

ДНЕВНИК ЗИНАИДЫ АНТОНЕНКО 1919–1921 ГГ.

Благодарим Александра Смирнова, ведущего научного сотрудника Государственного музея политической истории России, за предоставление дневника и разрешение на его публикацию. В расшифровке участвовали Лана Беленькая, Юлия Воробьёва, Диана Габитова, Полина Казусева, Ирина Капитонова, Эмма Мартин, Юлия Мемова, Мария Моисеева, Мария Ралько и Елизавета Шафранская. Подготовила к публикации текст дневника и составила биографический комментарий Татьяна Кочнева.

Исследовательский интерес последних десятилетий к эго-документам, несомненно, сильно изменил наше представление об истории и историческом нарративе. За последовательной цепью причинно-следственных связей и единой канвой ключевых событий едва ли не впервые стала видна судьба отдельного человека — его жизненная стратегия, мировосприятие, ценностные установки и модели речевого поведения. Дневник Зинаиды Антоненко, найденный в одной из петербургских квартир и переданный в дар в фонды Музея политической истории России (Санкт-Петербург), не открывает истин и не делает сенсаций: как и любой источник личного происхождения, предназначенный не для широкой публики, а для себя, он концентрируется на частной жизни, за скобками оставляя исторические события, которые автору и так известны. К совместному проживанию этого короткого — чуть меньше двух лет — отрывка жизни мы и приглашаем читателя.

Фотография
Зинаиды Антоненко.
Ф.: ЦГА. Р-7240.
Оп. 5. Д. 159. Л. 5.

Зинаида Даниловна Антоненко¹ (Нека, как она подписывает одно из своих писем) родилась 20 августа (2 сентября) 1902 года, училась в Мариинской женской гимназии в Царском селе; с 1920 года, после окончания школы, работала в военном комиссариате. Эти скудные биографические сведения, которые внимательный читатель может извлечь из текста самого дневника, дополнить было непросто: был пройден долгий путь от метрических книг Царского села за 1902 г., хранящихся в ЦГА, до баз данных жертв политических репрессий и участников войны, а также погибших во время блокады в Ленинграде и Ленинградской области. Все эти поиски не дали результатов.

Первое доказательство — хотя и косвенное — подлинности дневника удалось обнаружить среди материалов Царкосельской Мариинской женской гимназии, в ЦГА. Это документы учителя Зины Всеволода Ивановича Яковлева, которого они с одноклассниками ласково называли «Тряпочкой»: удостоверение от 20 октября 1919 г. подтверждает его должность преподавателя в 4-й Детскосельской

1. Отчество установлено по дневнику, запись от 6 (19) апреля 1920 года: «Потом к нам пришел Батюшка, между прочем он сказал перед тем как начинать молебен: Зинаида Дан., а Вы пойте» [здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены — Т. К.].

единой трудовой школе² и «необходимость в свободном передвижении в г. Детском Селе»³, а в документе от 22 декабря 1919 г. сообщается следующая информация: «Настоящее удостоверение выдано Всев. Ив. Яковл. для предоставления в 5 Д. С. Ед. Тр. Школу в удостоверения того, что оны, В.И. Яковлев, из Школы обуви и галош не получал и не получит»⁴.

Главные находки, дополняющие биографию Зины, также были обнаружены в ЦГА — среди личных дел студентов Петроградского государственного университета и в рассекреченных делах Комиссии избирательных прав при Детскосельском Горисполкоме Совета РКК. В личном деле студентки Петроградского государственного университета сохранились заявление о зачислении в качестве слушательницы на химическое отделение физико-математического факультета⁵, удостоверение об окончании 1-й и 2-й ступеней Трудовой Школы от 5 мая 1902 года⁶, выписка из метрической книги Морского Николаевского Богоявленского Собора в Санкт-Петербурге⁷ и фотографическая карточка Зины, на обратной стороне содержащая ее подпись и подпись райуполномоченного, удостоверяющего подлинность фотографии, от 5 августа 1920 г.⁸

Из рассекреченного дела Комиссии избирательных прав при Детскосельском Горисполкоме Совета РКК мы узнали, что отец Зинаиды, Даниил Матвеевич Антоненко, в 1924 г. был лишен избирательного права как бывший собственник⁹. Доход от арендованного

2. Такое название Царскосельская Мариинская женская гимназия получила после Октябрьской революции. Любопытна запись в дневнике от 3 мая 1920 года (ст. ст.), рассказывающая о том, как Зина заполняла анкету при поступлении на работу в военный комиссариат: «вышло не удобно то что я написала “Маринскую” гимн. окончила. Ужасно неприятно». Вероятно, конфуз девушки связан с тем, что в новых реалиях она пользуется понятиями из старого времени, показывая тем самым свою принадлежность «прошлому».

3. ЦГА. Р-7584. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

4. ЦГА. Р-7584. Оп. 2. Д. 2. Л. 77.

5. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 1. Из заявления мы также узнаем адрес Зинаиды на лето 1920 года: Детское село, Захаржевская улица, д. 11. По этому же адресу проживал отец девушки — по крайней мере, до 18.11.1930 г., когда он написал первое заявление о восстановлении в избирательных правах. В 1919 году улица была переименована в улицу Володарского, а в 1993 году ей было возвращено историческое название.

6. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 2.

7. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 3–4. В графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» читаем: «Запасный унтер-офицер Л. Гв. Гусарского полка из крестьян Подольской губ, Брацлавского уезда, Рубанской волости, села Хвостовцы Даниил Матвеев Антоненко и законная жена его Наталия Владимировна, оба православные».

8. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 5–6.

9. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

им дома в 1929–1930 гг. составил 1500 руб., подоходный налог 73 р.; в 1929 году он передал его в ЖАКТ¹⁰. С момента передачи дома, как мы узнали из дела, Даниил Матвеевич находился на иждивении дочери — и так как Зина не пишет о том, что у нее есть сестры, а упоминает только младшего брата, мы можем сделать вывод, что именно о ней речь идет в материалах комиссии. Так мы узнаем о том, что выйдя замуж, Зинаида получила фамилию Касьянова, а муж ее был командиром Красной Армии¹¹.

В деле собраны заявления Даниила Матвеевича в разные инстанции — от Детскосельского Горсовета до ЦИК — о восстановлении его в избирательных правах. За период с 18 ноября 1930 до 1 августа 1933 года он написал их по меньшей мере 7, но ни одно из них не было удовлетворено¹². Все заявления содержат автобиографические сведения, где оттачивается формулировка «правильного» социального происхождения и рода занятий до октября 1917 года. Пользуясь терминологией исследователя советской субъективности Игала Халфина, бывший царский унтер-офицер в разговоре со властью использует «ритуал герменевтики себя», иными словами, «пересоздает себя» в соответствии с критериями, которые поставляет идеология¹³. Так, в самом первом заявлении, датированном 18 ноября 1930 года, он пишет: «Я был рядовым солдатом в старой армии, а впоследствии младшим унтер-офицером, происходил из бедных крестьян Подольской губ., сейчас имею родственников крестьян. Бедная жизнь заставила меня остаться на сверхсрочную службу, а потом и совсем остаться в Д/селе. После революции 3 года [неразб.] на жел. дороге. При наступлении Юденича служил в Красной Армии (7 армии). В момент занятия белыми Батецкой, кружным путем, рискуя жизнью, добывал и доставлял продовольствие для штаба VII армии»¹⁴.

Именно это место в заявлении Даниила Матвеевича прямо соотносится с записями Зины в октябре 1919 года. В дневнике ее, относящемся к периоду Гражданской войны и военного коммунизма, описанию реалий этого трагичного времени отводится не так много места. Однако 9 (22 октября) 1919 года мы читаем следующее: «Папа

10. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

11. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

12. Формулировки отказов сами по себе потрясающи, см., например: «... ОТКАЗАТЬ, в виду того что после сдачи дома в ЖАКТ и вообще не проявил себя лояльным к Советской Власти на общественной работе» (ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 9).

13. Halpin I. *Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial*. London: Harvard University Press, 2003. P. 7.

14. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

еще не приехал, да уже теперь ему долго не вернуться, где-то он теперь: сидит ли в деревне, копает ли окопы? очень интересно. Чем это все кончится? только бы не вернулись к нам “красные”». Исследователя эти слова скорее приведут к гипотезе, что отец Зины воевал на стороне белых, однако, как видно из материалов ЦГА, сам он утверждает обратное. Так или иначе, в то время, когда девушка писала эти строки, Даниил Антоненко — если верить его словам — находился в самой гуще исторических событий: в период с 20 по 29 октября (н. ст.) 1919 года станция Батецкая была занята белыми войсками¹⁵, и остается только догадываться о том, на чьей стороне в действительности был наш герой. 9 (12) декабря 1919 года Зина запишет следующее: «...раздается стук; это был папа; он приехал с Люболяд на лошади с мужичком; привез довольно много провизии, так что мы опять живем».

С конца декабря 1919 года политическая повестка полностью исчезает из дневника: Зинаида пишет о подругах, гимназии, семье, смерти младшего брата Шуры, о любовных переживаниях. Однако любопытные детали эпохи читатель может почерпнуть и из «наивных» записей, рассказывающих о повседневной жизни гимназистки: 27 января (9 февраля) 1920 года Нека рассказывает о поездке на экскурсию в Петроград: «Ах, да на экскурсионной станции нас кормили; суп с картошкой и каша пшеничная с сахаром, но без соли. Нас было всего 13 человек, а т.к. стготовили на 30 чел., то нам полагалось больше, чем 2 порции; дали же нам только 1½ тарелки супу, 1½ порции хлеба и порцию каши. Всев. Ив. (тряпку нашу) заставили подписать, что нас было 30 чел. Ведь это свинство, нахальство, больше ничего...»

Читателю, возможно, небезынтересны будут и пометы на страницах дневника: в расшифровке мы отразили подчеркивания, сделанные простым и красным карандашами. Однако трактовать их не так просто: выделяла ли важные моменты в своей жизни сама Зина или кто-то из читателей ее записей? Ответ на этот вопрос — как и на многие другие — остается открытым, но от этого дневник не становится менее интересным: как и любой источник личного происхождения, он вносит свой вклад в изучение истории повседневности, показывает зазор между универсальными объяснительными схемами исторического нарратива и опытом проживания реальности отдельного человека.

15. *Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М.: Госполитиздат, 1941 г. С. 101–127.*

[Первые страницы дневника вырваны. — Т. К.]

... очень лестно; и даже подняло настроение. Это говорила Дуня председателя. Я сейчас пишу и улыбаюсь, во первых потому что на меня “во все глаза” смотрели Крестина и Шура (женицы, мать с дочерью), и, наверное, ни коем образом не думают, что и они попали ко мне в дневник. Вчера день провела довольно скучно: ездила за сеном с Василием Ив.; вечером собирали вишни, так что потом было веселее. Ах как приятно быть в саду, когда тебя окружают вишни и ты их ешь, сколько угодно! Ну сегодня день очаровательный! если бы каждый день проводить так, то было бы очаровательно.

Воскресенье 28 июля / 10 августа

Сегодня положительно нечего писать. Была за обедней, потом меня пригласили Сладковы, где я пообедала при чем очень вкусно: соленые огурцы, каша из мятой картошки с яйцами и чай с молоком и пирогом с малиной; да, еще я съела 2 яблока, которые приподнесли мне мальчики, такие славные, красненькие, просто об'едение. Придя домой я сели наши обедать, ну я, конечно суп уже не могла есть, но когда подали творог, облитый маслом, то тут я уже не могла устоять, чтобы не съест такую прелесть; потом почитала, пощипала ветки маменьке для чаю и вот села писать. Сегодня что-то ели-ели пишет рука.

Вчера ходила за малиной и промокла насквозь; т.к. не одела ничего потеплее, то и захладила “не на шутку; потом была в бане, где так противно было, что я не могла: душно, я думала задохнусь, жарко и все что хочешь, дай Бог, чтобы никогда больше не мыться в этой противной бане; надеюсь в ту субботу уже быть дома. Скорей бы приехал папа, я хочу, хочу и хочу увидится скорей с нашими и еще больше хочу в годовщину Буленькиной смерти быть дома, чтобы заплакаться с нашими вместе по моей дорогой; ведь, здесь и панихиды не отслужишь нѐ. Да, нет, нет я буду должна и буду 6ого дома!

Вторник 30 июля / 12 августа

Ведь это свинство папа не едет да и на, если завтра он не приедет, то я не знаю что буду делать, ведь, я же 20-тый раз уже повторяю, что 6ого я должна быть дома и если папа приедет в субботу, то я настою на том, чтобы в воскресенье выехать; это, ведь, последний срок.

Сегодня была за малиной, набрала карзинку и половину набора, кроме того нашла немного грибов для супу, наломала веток и наелась сама малины порядочно. Въ общем удачно сходила, не сравнить со вчерашним: я вчера промокла до рубашки, так что когда мы с Люб. Мих. возвращались домой, то мокрая юбка так неприятно хлестала по ногам, прилипая, что ужас да и только. Я уже довольно много насушила малины, еще бы надо бы чаю насушить побольше.

Письмо

Среда 31 июля / 13 августа

Дорогие мои и милые Муленька, Папа, тетя и Шура, крепко, крепко Вас целую.

Я очень удивляюсь почему папа так долго не едет поэтому и пишу письмо; ведь 6 августа во вторник такой день, что я хочу во что бы то ни стало быть дома, среди “своих”, поплакать по моей дорогой и как следует помолиться вместе с вами. Неужели вы этого не понимаете? Я еще до сих пор не могу смириться с тем, что мне не пришлось быть дома в час бабушкиной смерти, а тут Вы меня мешаете быть дома в годовщину ее смерти; Неужели ты, Мулька, этого не могла понять и уговорить папу ехать за мной, чтобы по крайней мере в понедельник 5ого августа утром я могла бы быть дома? Если бы ни этот день, я бы еще ~~ничего~~ могла бы погостить здесь мне, ведь, здесь нельзя сказать, что худо, пока есть малина, я хожу в лес за ягодами и сушу их; насушила довольно много, да и т.о. Может быть это письмо придет, когда уже папа уедит, если же оно придет и папа будет дома, (что бы я бы очень не хотела) то пусть папа постарается выехать поскорей. Папа мне сказал что он приедет через полторы недели, вот я не думала, что он так запоздает и потому не предупредила его что что 6ого августа я хочу во непременно быть дома. Я думаю, вы сами согласитесь, что во такой день, как годовщина смерти моей дорогой, любимой бабушки, когда у нас снимается траур, мне приятно быть дома, с вами, сходить на кладбище помолиться, отслужить панихиду. Тут, ведь, панихиды не отслужишь, так как батюшка служит здесь только за муку или за хлеб, да я даже не хочу и допустить и этой мысли; я хочу быть дома! Все подробности здешней моей жизни я расскажу, когда приеду; будет потом приятно вспомнить, как я провела время в деревни, теперь я все поглощена тем, чтобы папа не запоздал и мне не пришлось бы в Преображение быть здесь без Вас.

Целую вас всех крепко, крепко и обнимаю.

Ваша Зина.

P.S. Для тети я лапти припасла.

Шурку и беру я целую в обе розовенькие щечки; он, наверно, рад, что Зинка его вот уже 3 недели не мучает уроками и не орет. Наконец, не случилось ли чего-нибудь там у Вас? не заболел ли кто? но я думаю, Вы бы в таком случае мне написали. Так что я не знаю что и предположить что с Вами там стряслось, что папа так долго не едет.

.....

Написала письмо на “черново” и не знаю посылать его или нет. Сегодня до обеда штопала чулки, после же обеда все время читала, кончила книгу и начала писать. Так прошел весь день. Все мое настроение видно из письма.

Пятница 2 / 15 августа

Вот уже 3 недели как я здесь. Папа что-то не едет, я уже начинаю терять надежду, что он когданибудь приедет. Ведь, это, наконец, невыносимо. По временам мне кажется так грустно, так хочется домой. Даже мне довольно-таки надоели, особенно Шура, плакса невозможная.

Суббота 3 / 16 августа

Вот я села писать, но сама не знаю, что писать, ведь, все одно и это одно выражается в том, что я хочу домой, я чувствую, что сейчас заплачу и даже хотела бы этого. О как я была счастлива, если здесь был папа и я знала бы, что скоро буду дома. Ведь вторник то ни “за горами” и чувствуется, что мне придется провести его одной, о как грустно, как грустно! Я думала, что уже мне больше не придется мыться в бане, и, ведь, сегодня суббота: я собираюсь опять в баню; я же человек практический и вот не хочу упускать случая вымыться. Но дай Бог, чтобы это было бы в последний раз. Сегодня я утра учились тоскать лен, потом у меня пошла кровь из носу и я ушла домой. Целый день читала “Амея”, но вот, наконец, надоело и я села писать. Чтение навело меня на грустное настроение, как это бывает всегда, но вместе с тем после чтенья не вызывает у меня льется плавная речь; вот как сейчас: я думала, что ничего не напишу, как и вчера, и между тем уже накатала страницу. Ах, что-то там поделывают, дома; наверное, ушли в церковь: мама с Шурой, и тетя готовят ужин; а может быть, на мое счастье, сегодня 8 — отправляли папу, так что все дома, и преспокойно сидят ужинают. Получили ли они мое письмо? Думаю, что нет. О, если бы получили!

.....

Вчера утром штопала чулки, между прочем очень прилежно, нашла мания работать, Люб. Мих. тоже работали! После обеда почитала и, когда кончила книгу, то оделась, т. к. было холодно; и собрала упавшие яблоки, мыла с бабушкой картошку, ходила за лаптями; Шуркины лапти готовы, очень миленькие, аккуратные; потом хотела переменить книгу, но Д. П. не оказалось дома, я вернулась к себе под окно, потом, посидев немного, пошла с Настей Сладковой в огород к ним варить картошку. Там посидела, полюбовалась и пошла домой. После ужина (ужинали, как только я пришла, переменяла книгу) легла по обыкновению спать в надежде, что завтра приедет папа, так же по обыкновению этой недели. Вот и весь вчерашний день; я вчера была не в настроении его описывать.

Была в бане, где вышла неприятность, на меня бабы начали косяться, что я трачу много воды. Моюсь не по ним. Это меня взбесило.

[Вырвано несколько страниц. — Т. К.]

вообще куда я делась. Ната и та заходила 2 раза ко/мне, за что я ей очень благодарна. Зинка свинья!

Вторник 20 августа / 2 сентября

Сегодня мое рождение; вот уже мне 17 лет, я не особенно рада, жаль 16-ти. Когда то в этот день у меня бывали Лида, Роберт, иногда и еще кто-нибудь; было весело и вкусно; хотя и сегодня мне приятно, так по-семейному пили чай со ржаными лепешками с конфетами (по одной конфетке и монпасьешке). Утром потолкалась на кухне: мыла картошку, чистила вишню; потом пошла в гимназию за удостоверением, но ничего не добилась. Сейчас собираюсь с мамой к модистке, заказывать шляпу. Давно я не писала, хочу описать события, которые помню, после 8 авг. 10 августа приехал папа, я в это время читала в новой избе, вдруг Хавр. Дм. кричит меня, она брала воду в колодце, я выбежала и увидела папу. Не успел папа войти в избу, как нашли бабы разсматривать, что он привез, у меня даже голова разболелась. Потом закусили, мужички пошли веять, а мы с Л. Мих. стигли овец, двоих стригла Люб. Мих., и третью бабушка, я же держала их; потом я пошла с Шурой в гумно, отнести лукошка. Вечером я шила платки Ан. Пав., потом с Шурой пошла к Анне Пав. снести сшитый платок, где я попила ржаного кофе с молоком, с хлебом с маслом; Шура была очень довольна, что я ее взяла с собой, она выпила блюдечко кофе, а кусочек сахара принесла домой. Это было когда

бабушка с Люб. Мих. ушли в баню. В воскресенье 11ого авг. я с Папой с и гостями Гуляки была в церкви, после чего меня пригласила Рая обедать; там был молочный суп, тыквенная каша и стакан молока с вотрушкой. Вернулась я домой с Раей, выпила чашку чаю и мы, посидев в новой избе, пошли в сад порвали яблок и пошли в сад, там посидели довольно долго и, наконец, пошли домой; на дороге встретилась Подгорная и сказала, что меня ждут обедать, мы с Раей прибавили шагу, но, придя домой, папа куда то ушел, стали ждать его обедать. Пошел дождь, я пошла искать папу и нашла его у Сладковых. Что было в этот день вечером, я забыла. В Понедельник 12 авг. утром я читала, мне очень хотелось кончить роман “Нерон”, очень длинный и интересный, в общем в моем духе. Но дочитать я все-таки не смогла бы, перед от’ездом было много дела. Поэтому я бросила читать, пошла с Шуренком в гумно, где накладывала солому на воз; потом обедали, после чего мы стали укладываться, я с Шурой пошла за мясом, в то время, когда мы были в избе пошел дождь, так что нам пришлось там довольно долго просидеть. В 6 часов мы выехали; ехали на лошади полтора часа. Надоело писать.

Письмо 20 августа по старому ст.

Дорогие Ив. Ив., бабушка, Люб. Мих., Василий Ив., я давно собралась написать Вам письмо, да все как-то некогда было, ведь мне здесь больше дела, чем там у в деревне. Я часто часто вспоминаю Вас всех, рассказываю нашим как я помирала со смеху, рассказываю нашим как я помирала со смеху когда иногда Вас. Ив. и Ив. Ив. смешили меня. Очень приятно вспомнить этот месяц в деревне; все знакомые находят, что я очень поправилась у Вас, даже как то не ловко себя чувствуешь: здесь все похудели, побледнели, а я наоборот хорошо выгляжу. Как Вы поживаете? Как поживает хлопотунья бабушка? Я очень очень благодарю ее за ее вниманье ко мне; я слышала от папы, что она теперь на небесах от радости; ведь, долгожданный ее сынок Ал. Ив. дома, а то она бедная все беспокоилась о нем. Помните, Люб. Мих., как мы с Вами вымокли, собирая под дождем малину, пришли домой мокрые, как курицы. Ну как Шуренкины глазенки? ведь, она, кажется была в городе у доктора. Так же ли она жмурится по утрам, как при мне. Я часто вспоминаю, как моя хорошая Толстушка говорит: “Ты мне голова, сто дась мне лабыцка. Целую я ее и крепко, крепко обнимаю моего толстенькаго Шуренка. Вспоминает ли Неку Колюшка; я бы очень хотела поцеловать его сейчас и услышать его лепет: “Нена дай яга”, “Баба дай “лига”, “клика”, блига”. Челвки чай”. Васеньку то же целую, он наверное по прежнему играет со своим товарищем Дюсей. Я теперь должна каждый день ездить в Петроград,

поступила на курсы пишущей машины; в воскресенье была с подружками в Театре, завтра то же иду в Театр., в общем опять вошла в свою колею, первый же день, как только я приехала из деревне, мне казалось, что я переехала на новую квартиру. Привет Вам В всем от наших: папы, мамы, тети и Шуры; Мама еще раз благодарит Вас за заботы ко мне. Кланяюсь я Вам; дорогую бабушку и милую Люб. Мих. крепко, крепко целую. Нека Зинаида Зина (Нека) Антоненко.

Поклон всем знакомым: Рае; Насте, Мане и всем остальным Сладковым, Жене, Дуне и Паше Белоусовым, Благодарю Дуню и Дм. П. за книги.

12 / 25 сентября Четверг.

Как давно не принималась я за дневник; уже скоро месяц. Вот на этой недели начались занятия в гимназии. Я сегодня по обыкновению ездила на курсы; со мной ехали Вера Вушкан, Зина Сем. и “новенькая” заказывать значки; но они ничего не нашли: значки никто из ювелиров не берется делать. Очень будет жаль, если мы останемся без них. Между прочем “новенькая” Чаховская мне не понравилась; конечно, нельзя судить человека по первой встречи, но первое впечатление о ней у меня сложилось не лестное для нее. “Наши” рассказали мне про гимназию, после чего мне так захотелось пойти туда, но я уже решила в готова была даже бросить курсы; но теперь я помирилась с моим положением: решила пока не ходить в гимназию; ведь, бросать курсы то же не приятно: во первых пропадут 400 руб., да и жаль потраченное время, ведь потом, если бы я хотела доучиться, пришлось бы начинать сначала. Что же делать? пока буду брать уроки и проходить с ними вместе, а потом может быть какнибудь устроюсь. На обратном пути я встретила с Верой и Зиной. В вагоне я обедала (вареную картошку с хлебом), так/к. прямо с вокзала я должна была идти в баню, где меня ждала тетя. После бани очень хочется спать, но я так давно не видела дневника, что решила написать хоть немного. В бане была Мария Кириловна; она благодарил меня за деньги и (мне даже стыдно подумать, дрожь пробегает по телу) поцеловала мне руку. Ну зачем она сделала это; мне так неудобно даже вспомнить; ведь, она — старушка, а я — девчонка. “Прощай мой дневничок, постараюсь не забыть тебя”.

Завтра пойду к модистке: шляпа уже готова, только бы она ко мне шла, а то у меня все какие-то дурацкие шляпы.

Среда 9 / 22 октября.

Прошлый раз я попрощалась с дневником, как будто знала, что не возьму его целый месяц. Сколько перемен за этот месяц: во первых к в Царское вошли вчера белогвардейцы, вот уже неделя как у нас идет пальба, мы так привыкли к ней, что даже не слышишь, сначала же было страшно, хотя я то лично не боюсь. Вчера я утром пошла в гимназию, встречаю на дворе Пулиму, который и объявил мне такую радость: “У нас белые”, у меня даже сердце ёкнуло. На Волхонской ул. мы разговаривали с “белым” солдатиком; у бывш. Военного Комиссариата стояли мальчишки, у всех у них по винтовки; они спросили сказали солдатики: “вот вам винтовки, куда вам нести?” Славные мальчишки, они, видно, приберегли эти ружья для белых, тоже помогают. В Царском, около Гостинного двора стоят целые толпы: это белые, кетт солдатака два-три, окруженные народом; народ рассказывает им про голод, про беды, нанесенные “красными”; все такие радостные, обмениваются улыбками, совершенно незнакомые. “Белые” сулят белый хлеб; но вместе с тем у всех вокруг является сомнение: “А вдруг ‘они’ пробудут у нас неделку, да и уйдут”; ходят слухи, что они пришли на Петроград только для того, чтобы все силы “красных” приманить с юга сюда. Да и правда, что то сегодня выстрелы слышнее, чем вчера, ни отогнали ли опять белых: они теперь наступают на Петроград? Мы с мамой, идя вчера за водой на Саперную в д. Манамайтис, (мы теперь два раза в день ходим за водой; вода не идет вот с понедельника по всему городу) видим, что все бегут с капустой, оказывается это несут с огорода, наверное, с “большевистского”, т. к. те улепетнули, то капуста осталась ни чья; вот народ и разбирает ее; мы с мамой решили то же итти. Но когда мы туда пришли, там уже все разобрано, мы думали, что придем с пустыми мешками, но какое-то нам удалось набрать: белые листики, кочешки маленькие и немного свеклы, штук 10; (это я набрала; чтобы не итти пустой, я решила набрать хоть свеклы), маме же было так досадно, что мы продрали напрасно так далеко, что не хотела брать ее. Все-таки мы принесли, но что нам это стоило: ноги промокли, все в глине, подол юбки грязный мокрый, косьмы висят; еле-еле очистились. Курсы я еще не кончила, еще осталось 13 уроков. Папа еще не приехал, да уже; теперь не ему долго не вернуться, где-то он теперь: сидит ли в деревне, копает ли окопы? очень интересно. Чем это все кончится? только бы не вернулись к нам “красные”.

10 / 23 окт.

Бедный народ опять нос повесил: “красные” у нас; мои вчерашние опасения оправдались. Один Бог знает, что сегодня ночью мы перенесли; вчера вечером началась такая пальба, после того, как мы с мамой сходили за водой (это было в 6 час.), говорят много убитых; над нашим домом стали летать снаряды, поднялся свист; я спустилась к Арензон спросить, что они будут делать, не думают ли итти в подвал, но они пригласили нас себе посидеть, мы же решили остаться дома, поужинали. Но потом пришел Арензон и посоветовал итти на почту, связать узлы. И вот у нас поднялась суматоха: связывали узлы, тоскала их на почту, а снаряды то так и разрываются недалеко от нас, свистят. Потом как-будто утихло немного и мы решили, хотя и не спать, но остаться дома; вдруг в 1-ом часу ночи раздаются два сильных удара и снаряды со свистом пролетают, вот вот кажется сейчас влетят в окно, но все проходит благополучно, но уже после этого дома оставаться страшно. Собрав узлы, пошли мы на почту, долго стучались в окно к Ивану Мат., т. к. через парадную итти страшно; наконец нам открыли. Мы расположились на самой почте, я спала на столе, голова же на вырочке, в общем устроилась хорошо; потом это место я уступила маме, сама же легла на вырочку, здесь уже было хуже, уже; тетя всю ночь сидела, Шура же спал на диване деревянном. Конечно, спали мы довольно плохо, в 8-ом часу утра, мы пришли домой, напились чаю; но тут опять началась пальба, опять пришлось итти на почту. Там я списывала “Психологию”, мама шила, Шура спал, лежал, а тетя сидела. Так просидели мы до 2-х часов, потом обедали тоже там, разогрев суп и картошку у Анаст. Вас.; после же обеда вернулись домой, стрельба уже не так слышна. Вот какие страхи переживаем, что-то дальше будет, я думаю белые скоро вернуться; ведь, красные нас с голодуом погубят. Завтра мои именины, я же настроена не по праздничному. Слава Богу, что хоть дома ночуем. Зина С. то же именинница, а Бог знает где она теперь, не погорели ли; ведь вчера горела колония, вокзал, а с другой стороны было ужасное зарево; от пажара Александровки. Шурка совсем болен, такой бледный стал, у него расшиблена рука и идет носом кровь; с ним то же порядочная возня. Пора спать, ведь сегодня нужно отоспаться за две ночи.

Понедельник 2 / 15 декабря.

“Боже! Как давно я не писала уже почти 2 месяца. А сколько перемени — за это время! Кончила я курсы; после всех ужасов мне пришлось ездить только 1 неделю, потом пошла в гимназию, в первый же день моего прихода Виктор Григорьевич дал мне риферат на тему “Грибоедов и “Горе от ума”. Сколько трудов положено на него, я совсем было отчаялась, думая что у меня ничего не выйдет; на той недели во вторник 26 нояб. ст. ст. / 9 декабря новый ст. утром я переделала всю биографию, когда же принялась за “Горе от ума”, мне казалось что у меня ничего не выходит; думала что уже все пропало, даже придумывала как бы но вот заблаговестили и я решила пойти в церковь помолиться. После того как чаю я немного пописала и пошла, но всенощная уже отошла (это было около 7 ми часов), не смотря так досадно было, что не пришлось помолиться у образа Божьей Матери; тогда я просто около церкви помолилась и пошла домой, и вот после ужина дело пошло, я написала довольно много. На следующий день я пошла к “Знаменью” (27-го, как раз праздник), после “гимназии”, потом зашла к Вере Вушкан за физикой; после чего — к Шуре в гимназию за уроками. В этот день я кончала реферат, поэтому сидела до 3-х часов ночи. Но это было не в диковинку, с тех пор как я начала его писать, раньше 2-х часов не ложилась. В общем помучилась я с ним на славу! Сегодня я уже совсем покончила с ним, Виктор Гр. Чернобаев сказал, что он очень содержательный и недостатков в нем нет, пособия использованы добросовестно. Вот что значит помощь молитвы. После гимназии сегодня я занималась на рояле, потом позанималась с Шурой немного и пошла к 6-ти часам на урок математики; но в гимназию не дали электричества, так что заниматься не пришлось: посидели в передней, посмеялись с Павлом Карловичем (очень славный человек, у нас уже было установились с ним дружеские отношения, да всему напортили эти злополучные Курцер и Арсеньева; прямо позор, что они выкинули в субботу на вечере, как рассказывала Рита и Клавдия.) потом перешли в учительскую, и там при свете лампы беседовали с Пав. Кар. на математическую тему, потом пришла Наталья Ивановна, а скоро прикатился и В. Гр. Чернобаев, кот. должен был прослушать всех, кот. будут декламировать стихотр отрывки из “Евг. Онегина” в среду. Очень хочется спать, теперь надеюсь, что будет свободное время для дневника.

Понедельник 9 / 22 декабря

Сегодня причастилась; после чего придя от обедни, толкалась на кухне. Только что пообедали, собираюсь к Вушкан за уроками. Вчера была за обедней после обеда играла на рояле, потом наши; мама и тетя, пошли в 4 часа ко всенощной: должны были из Колпина принести “Николая Угодника”; за это время я предполагала заняться с Шурой, сделать уроки и почитать, но не тут-то было: села я заниматься с Шурой (на кровати: у Шуры болит нога), как вдруг кто-то стучится, оказывается это Зинаида Ив. Быкова просить в долг дров. Я просила ее зайти позднее, когда придут наши. Она ушла, мы с Шурой “капельку” поучились, как опять раздается стук; это был папа; он приехал с Люболяд на лошади с мужичком; привез довольно много провизии, так что мы опять живем. Мне пришлось ставить самовар, топить печи, кот. я никогда не топила, с грехом пополам затопила. Потом пришла Быкова, мамы еще не было, папа же не хотел показываться, так что она осталось было ждать маму, но по наконец, папа велел мне дать ей дров. Мама с тетей пришли в 10-ом часу, сели ужинать, а потом скоро и спать. Но все это еще было бы ничего, если бы папа был человеком, а то он прямо невозможен: все время злится; когда у меня ничего не выходило с печами, он ходил, да смеялся, но смеялся со злостью на лице. А мне право нет совсем времени и хозяйничать, и учиться, и заниматься с Шурой, и на рояле надо играть, и чулки заштопать; даже почитать некогда. Сегодня встала в 6 часов, так. к. обедня должна была начаться в 7 час., но батюшка, видно, проспал. Мы с мамой пошли в церковь, не думая, что будем исповедываться. Я очень рада, что поговела с мамой. Сначала я хотела итти в гимназию ко 2-му уроку, после обедни; ну ладно, я не думаю, что много потеряла, что не пошла. Сейчас иду к Вере.

3 / 16 января Пятница 1920 года.

Сегодня у меня настроение ужасное, к вечеру как будто стало лучше. Опять началось ученье, сегодня занятий не было: Чернобаев только пришел в класс дал задние, Павел Карлович целый урок проговорил, а остальное время мы сидели, да разговаривали. После гимназии я зашла за завтраком к Шуре в гимназию; потом пообедали, поиграла на рояле одной рукой, на второй болит палец и вот села писать. Ну и помучилась я с пальцем на Рождестве. Вообще это Рождество я провела довольно скучно: приехал папа с Ив. Ив. Гуляко; Ив. Ив. я была очень рада видеть, папу же сначала я ждала, но

жалела, что приехал, маму совсем замучил. Сегодня мне почему-то захотелось скорее кончить гимназию, надоело учиться; особенно противно писать реферат; он еще более подрывает настроение. Да и тема припротивная, такая скучища, просто ужас! Завтра экскурсия ботаническая, с Модестом Мих., не думаю, что будет интересно, если бы была по истории искусств, это другое дело. Прошлый раз давали нам на экскурсии по яйцу, вообще очень хорошо кормят. Хочу еще несколько слов сказать о Зинке Семеновой; она стала противная девченка больше ничего: ломака, воображает, Бог знает; как, вообще испортилась я от нее этого не ожидала.. Сейчас буду заниматься с Шурой, предварительно попью чаю, а потом опять за реферат. Писала в темноте.

Понедельник. 27 янв / 9 февр. н. ст.

Хочу написать кое-что о вчерашнем дне. Вчера ездили на экскурсию в Петроград в Эрмитаж и Оничкин Дворец. Встала я в 7 час. утра, в 8 час была готова и отправилась на вокзал, но придя туда, узнаю, что поезд 8.20 мин уже ушел. Это было так неожиданно! иду я к кассе, смотрю, ко мне подходит Всеволод Иванович; мы с ним поболтали, между про чем очень весело, (я решила, что умею разговаривать не только с подругами?), потом подходит Надя Овечкина, кот. тоже опоздала. Всеволод Иванович встал нам за билетами, но уже поезд должен скоро притти, а кассу не открывают, тогда он стучит в окошко к кассиру, кот. ему отвечает, что билеты на этот поезд не продаются, т.к. поезд 8,57 служебный, но т.к. это было воскресенье, то следовательно никакого служебного поезда не могло быть, это была просто сделка кассира. Но как бы это ни было нам пришлось заплатить в один конец 26 руб. В вагоне тоже было очень весело. Выходя из вагона я с Вс. Ив. поспорила: (всю дорогу в вагоне мы, смеясь, упрекали Нину Спасскую, что из-за нее нам пришлось платить двойную плату, т.к. она сказала, что в воскресенье служебных поездов нет.) приехала же Нина на 8.20; (подведя нас, она не подвела себя). Так как она с нашим поездом на приехала, а на экскурсию она хотела во что бы то ни стало приехать, то я была уверена, что она приехала с 1-м поездом; Вс. же Ив. уверял, что она совсем не приехала. Спорили мы с ним на плитку шоколаду, между прочим он заметил, что т.к. шоколаду нигде не найти, то он так и быть раскрасить коричн. краской галету. Потом встретили Евгению Алекс. Мы с Сев. Ив. побежали в зал 1-ого класса, где нас ждали приехавшие с ранним поездом наши, чтобы скорее узнать, кто из нас выиграл.

Но о ужас! Нины нет, значит я проиграла, Всев. Ив. торжествует. Евг. Алекс. говорит мне: Зина, советую Вам выписать его по рецепту. Но вдруг нас догоняет Нина, она опоздала на 8.58 и приехала с вырицким; все наши хлопают в ладоши, я, конечно, в особенности, а Вс. Ив. приседает к земле низко низко. И вот мы изводили его так всю дорогу туда. И так я выиграла. В вагоне Вс. Ив. назвал меня догадливой, что я угадала зачем он спешит в Костромск. губ. домой: кто-нибудь имянный? сказала я — “Какая вы догадливая”, был ответ, но кто имянный я не могла догадаться; оказалось, что он сам потом когда он называл кто строил Петроградск. храмы, а потом спросил, а я ответила, то он мне сказал: Какая у Вас хорошая память. На обратном пути, после того как я взяла билеты себе Вс. Ив., Зина Мигаль говорит мне: Значит, ты в валиных, я только что заметила это.” — Я же отвечаю; что, да, и так устала в них, что еле-еле хожу. Всев. же Ив. говорит: Так мы готовы вас нести”. — За что, за то что купила вам билет? спрашиваю я. Нина же Спасская говорит: она все понимает не так, как нужно. Ах, да на экскурсионной станции нас кормили; но суп с картошкой и каша пшеничная с сахаром, но без соли. Нас было всего 13 человек, а т.к. было сготовили на 30 чел., то нам полагалось больше, чем 2 порции; дали же нам только 1½ тарелки супу, 1½ порции хлеба и порцию каши. Всев. Ив. (тряпку нашу) заставили подписать, что нас было 30 чел. Ведь это свинство, нахальство, больше ничего: Евг. Алекс. возмущалась, а “тряпочка” только сказала, что я не люблю связываться. Обратно я Оля Синникова, Надя Овечк. и Вундербар ехали в другом вагоне, вся остальная компания ехала с Вс. Ив. и хохотала до упаду; написали Вс. Ив. письмо: “Вс. Ив., угадайте кому из нас вы больше всего нравитесь” на что он ответил: Всем по разному. “В особенности, пишут наши, Ю. Е. и В. В.”, подразумеваемая Юлию Евгеньевну и Веру Вушкан, кот. сидела тут же и бедная, краснела и бледнела. Про Ю. Евг. он догадался, про Веру же тоже наверное, но, конечно не сказал вслух. по-моему прямо свинство подводить так подругу, в чем особенно участвовали Клавдия Никитина и Рита Человская, теперь Вера боится показаться на глаза Вс. Ив. Да, вчера зашли за значками. Значки вышли так себе, особенно портит их грубая простая цепочка. Сегодня приподнесли значок Чернобаеву и Натальи Ивановне. Чернобаев поблагодарил только; к Нат. Ив. мы пошли в квартиру целым классом и приподнесли значок; кот Н. Ив. понравился. А вчера со Вс. Ив. все таки немного пококетничала, а сегодня, когда он пришел, мне уже он был противен. Сегодня Зина Сем. читала реферат “Ба[неразб.]” и тем спасла меня, т.к. истории я не знала, реферат занял 2 урока. Да, еще хочу прибавить: когда мы шли по Петрограду мы спросили Вс. Ив. почему он не оде-

вает к нам на “среду” свой фрак, на что он ответил, что оденет его на нашу свадьбу, Клавдя же спрашивает: “как на общую?” В субботу была экскурсия очень интересная, была теплая погода, солнышко. Ходили мы на белую башню, с кот. смотрели на Царское Село, видели Исаакиевский собор и в арсенал, где так красиво. На обратном пути кидались шишками. Оля Синникова положила шишку в желобок в шапку Вс. Ив, вообще хохотали до упаду. Пора кончать, ведь я еще не принималась за уроки, хотя их почти нет, но уже, наверное, 12 час., а я еще думала написать реферат. Ну все равно, что успею, а это мне хотелось написать, когда-нибудь приятно будет прочесть.

Среда 11 / 24 марта

Слава Богу, кончила реферат, но еще не спокойна, вообще я очень боюсь за него. Сейчас он у Быковых, ужасно боюсь, что они меня раскритикуют. Вчера приехал папа, после ареста, он уже 2 мес. не был дома. Неужели мы до Пасхи кончим, ведь, это прямо прелестно, значит осталось 1½ недели. А, Верочка — невеста, теперь уже я не много свыклась с этой мыслью. Когда она мне это сказала, мне почему-то так захотелось ее поцеловать, на уроке я посылала воздушные поцелуи. Я рада за Верку; молодец Веруська, прижала хвост нашей этой компанийки, она, наверное, думала, что кто-нибудь из них выйдет замуж первый в классе. Зинка Семенова, так уже та, наверное, ждет предложения от Гегенбарта. И так мы кончаем с невестой. А невеста то наша совсем девчонка. Вчера должен был быть спектакль в ратуше, устраивала мужская гимназия, должно были идти “Романтики”, но главный участвующий заболел, так что вся публика повертелась около ратуши и повалила в “Теремок”, мы тоже постояли у ратуши, а потом часть пошла домой, часть в гимназию, где была скука ужасная, а я, Оля Синникова и Клавдя Никитина отправились к нашей невесте, но перед этим сходили к “Теремку”. У Верки мы сначала стояли ~~около~~ под окном и болтали с нею, смеялись ужасно: Клавдя все хохотала над “командиром подводной лодки” — женихом Веруськи и над невестой, потом Верка решила идти с нами гулять, но сначала мы вошли к ней, напудрились и отправились. Пришли в “Теремок”, посидели там, где продают билеты, т.к. еще не начиналось, но вскоре нужно было уходить: сеанс начался. Да, у “Теремка” встретили Юру Синникова, кот-ый также присоединился к нам. Потом пошли мимо амбулатории, по Набережной. Они проводили меня до мужской гимназии. Погода была чудная: настоящая весна, так приятно было пройтись, да и притом весело. После моего ухода они встрети-

ли Боровкова, кот. сделал вид, что незаметил Верку, а дома заявил: “я Вас видел”. Нужно итти спать, уже 4-ый час ночи. Сегодня что-то нет настроения писать.

Суббота

Четверг 19 / 1 апреля 1820 года

В прошлую субботу села писать и вот, написав одно слово суббота, услышала, что к нам пришла Зинаида Ивановна Быкова, кот. должна была принести мой реферат. Она мне раскритиковала его в пух и прах; правда, сказала, что слог плохой и вообще я совсем упала духом.

Сегодня я на седьмом небе, еще бы прочла реферат, так удачно, но беда в том, что надо учить историю, в среду на той неделе (8-й) отвечать. Вообще один камень в плеч, другой на плечи. Сейчас мы с мамой ходили (после моего обеда, придя из гимназии) к портнихе, заказывать платье для выпускного вечера, но не застали дома, на обратном пути я зашла к Аренсонам узнать нет ли там Аннушки, кот. оказалась там; взяв от нее ключ, я пошла звонить по телефону к Натке Алексеевой, чтобы предупредить ее что я завтра приду к ней; она звала меня ночевать, но не знаю завтра не думаю, но на Пасхи может быть и буду. Со всех сторон я слышу, что очень похорошела; вчера например встретила Гармсон (забыла как ее зовут), кот. меня не узнала, когда же я поклонилась, она сказала, что не узнала, потому что я похорошела и вообще лицо барышни. Сегодня я пришла в гимназию раньше обыкновенного (обыкновенно опаздываю), в классе были только Зоя Кривошеина и Клавдия Ник., кот. сидела на лестнице, в углу у печки; я к ней подсела на стул и мы начали вспоминать о вчерашней “среде”, потом пришла Нюра Федина. Говорили, говорили кой о чем и, наконец, Нюра сказала, что у нас Зина т.е. я расцвела с весны, на что Клавдия ответила: я всегда говорила, что Зина т.е. я расцвела с весной, на что Клавдия ответила: я уже всегда говорила, что Зина Ант. хорошенькая, но вы мне говорили, что она не заметная, а вот теперь сами увидели, что моя правда”. Я не знаю, мне кажется, что виною всего весна, правда на меня очень действует природа, зимою, как то я чувствовала себя связано, в классе не говорила, а с наступлением весны болтаю, хохочу и т.д. и т.д. Настроение у меня прелестное! завтра еду к Натуське! А сейчас гм, гм, надо учить историю. Писала у себя за столом.

6 / 19 апреля, понедельник.

Хочу описать всю святую неделю. В первый день Пасхи я встала около 10-три часов, причесалась, попила чаю и пошла к Натке звонить по телефону. Ната еще спала, к телефону подошла В. П. и сказала, чтобы я приезжала к ним и оставалась ночевать, т.к. у них в Дворянском собр. концерт; я сначала не знала, что мне лучше сделать: итти ли поздравлять в 3 часа Наталью Ивановну и ехать в Павловск, но, наконец, остановилось на втором. Потом к нам пришел Батюшка, между прочем он сказал перед тем как начинать молебен: Зинаида Дан., а Вы пойте”. на что я очень глупо ответила: “Я не умею.” Ужасно глупо вышло. После обеда я отправилась к Нате, очень быстро шла, думала что не успею, но пришла за 10 мин. до прихода поезда. У Нате я так наелась всяких сладостей, прямо ужас. Ну поговори, поохотали; на спектакль я не пошла, так что ухала домой, в вагоне читала “Короля Лира”. На второй день утром пошла к обедни, ко мне должна была приехать Ната; она пришла к обедни, потом обедали, потом Ната играла на рояле, чай пили. Наконец начали говорить о “сальностях”, даже щеки разгорелись. Потом я пошла Нату провожать между прочем по дороге упрашивала Нату сказать свою какую-то тайну, кот. я еще до сих пор не знаю. Проводив ее до Московских ворот, я пошла к Верке, кот., конечно, не застала дома, тогда зашла к Оле; немного посидев у нее, мы пошли погулять, Оля проводила меня до дому, я затащила ее к себе; здесь мы поболтали, я поиграла на рояле. Оля сказала, что не пойдет на вечеринку, т.к. Веркин брат не идет, Вера же сама тоже не идет, из-за Боровкова; мы подсчитали кто там будет, у нас оказалось, что очень мало, решили что будет скучно. Я решила не итти на вечеринку, а поехать на с Олей в Петроград на какую-ниб. легенькую вещичку: оперетку или на что др. На 3-ий день опять была в церкви; после обеда играла на рояле, потом пришла Аня Каск поздравлять. В 5-ом часу я вышла и дому.

Да еще за чаем я выклянчила у отца 250 руб. На вокзал я пришла, когда поезд уже пришел, ищу Олю, не могу найти, пробежала по платформе; наконец вдруг Оля выскакивает с вагона и тащит за собой, у меня не билета ничего.?. Ну проехала благополучно, сказала, что служебный. Сначала мы пошли к Александринке; посмотрели репертуар и, узнав что в Михайловском идет “Риголетто”, идем туда, но там оказалось спектакль отменен. Тогда направились к “Дворянскому”; там билеты все проданы, кроме входных, кот. стоят 250 руб. Мы решили, что это не по карману и пошли искать чего-ниб. более дешевле. Пришли к Паласу, там идет пьеса революционная для организации. Мы поталкались, поталкались и спрашиваем у швейцара

нет ли билетов, на что он ответил; что «Барыни приходите завтра, я завтра у меня будут билеты, а сегодня идите так без него. Нас никто не задержал, сели на мягкую скамейку, позавтракали т.е. с'ели по сухарю. Так приятно прохладно, а то мы спарились да и устали. Потом решили, что надо итти на верх, а то в конце концов нас могут вытурить. Искали искали как попасть наверх, забрались в “коллектив коммунистов”; наконец нашли дверь, поднимаемся по лестнице, темно, сыро, стены мокрые, но мы все-таки идем, долго искали дверь и наконец уселись. Нас очень интересовало что за вещь эта Леинда”; думали, что наверное, придется уйти, какая ниб. гадость. Но оказалось лучше, чем ожидали, но танцовали ужасно, с толстыми ногами не уклюжие. Кончилось около 10-ти, мы думали еще попасть на в кинематограф, но было уже поздно, не пускали. Походили по Невскому, причем на каждом шагу попадаетея матрос, даже терпенье лопнуло и давай их изсчитать и, дойдя до Знаменск. церкви, у нас было уже около 200, это ведь надо су ума сойти. На 11.38 приехали домой, вообще день провели на славу. Да еще по дороге в Александринку Оля сказала, что у Веры есть жених все глупости; просто выдумка вроде о Белогорском. Меня это очень удивило и даже разочаровало. Я думала, что вот у Веры есть теперь цель в жизни, а теперь все мертво. Бедная Вера! На сегодня довольно. Пойду спать, а завтра напишу дальше.

20 апреля / 2 мая Воскресенье.

За эту неделю столько произошло перемен или вернее за это время. Приехала Лида из Сибири. Расскажу сегодняшней день с самого начала. Встала я в 9 час., да видела какой-то сон, не помню какой именно, но очень неприятный, только кончился он тем, что я слышу, что как будто приехал папа и ругается во всю, кричит “вставай-те”. Я вскочила, села и прислушиваюсь, не приехал ли действительно отец. Потом тетя видит, что я сижу и говорит: “Зина, что с тобой” Тогда только я поняла, что никого нет. Была за обедней, придя оттуда поиграла на рояле, пообедала и пошла в немец. церковь, куда мы должны были собраться; для того, чтобы посмотреть на орган, потом была проверка. Настроение у меня было ужасное. придя домой дочитала “Дон-Карлоса”, потом ужинали; во время ужина вдруг кто-то стучится, я думала, что это Зоя, она должна была притти учить тригонометрию. Вдруг слышу мама говорит: “А Лида”, я сразу поняла в чем дело. Конечно, крепко расцеловались. Пришел так же и Роберт. Посидели, поболтали, закусили и пошли в парк. Тут встретился ка-

кой-то Роберта ученик (ведь он капельмейстером в реальном), кот. и затащил Роберта играть, там был концерт, мы с Лидой тоже решили итти, сначала зашли домой к ним, там приосанились, перечесались и отправились. Там как раз начались танцы, мы с Лидусей протанцовали 3-4 танца. Возвращались с Катей Еремеевой и Аней Дмитриенко. Вся компания проводила меня до Беседки у ворот “Любезным моим сослуж.”, где мы посидели. Лидуська очень изменилась, выросла, похорошела, совсем барышня. Сегодня я думала много чего сделать, выучила уроки, а вышло то, что книги в руки не взяла.

Вчера праздновали 1 мая. С 9-ти часов работали на Бульварной ул., таскали кирпичи, камни до 2-х часов, потом ели-ели волоча ноги, побрели в гимназию на завтрак [неразб.] каша и немного-немного сухарей. Потом отправились домой, пообедали, нисколько не отдохнули и опять на манифестацию, сказали, что будут выдавать хлеб по 1 фун. Ко мне зашла Зойка, потом мы зашли за Олей Син. и вот втроем шагаем по Малой ул. Идет Николай Ипполитыч Глазов, кот посоветовал нам подождать манифестацию здесь, у него, хотя если мы боимся беспорядка, то на крыльце. Мы, конечно, чтобы его не смущать остались на крыльце, он нам вынес альбомы с открытками. Потом решили, что пора итти им навстречу, мы подошли к Екатерининск. дворцу как раз когда оттуда шла манифестация, встретили наших, зашли в гимназию и отправились за хлебом. После всего этого Оля Син. пошла ко мне, здесь напильсь чаю с’ели вместо мороженого кислой капусты только что с ледника, отдохнули, т.к. устала я, как собака. Да еще у меня совсем испортился, кроме того, что скосила, сломала под прямым углом. В пятницу была в театре Мариинском на “Кармен”. Грохольский¹ мне понравился больше всех, он играл Ториодора. Ну хочу спать.

3 / 16 мая Воскресенье (писала в “Куда царь пешком”)

Сперва опишу сегодняшней день: встала сегодня в 8 час., в 10 час. пошла во 2-ой Павловск, где мне нужно было снять план с одного дома, но перед тем зашла на почту позвонить по телефону к Натке, но не дозвонилась. В Павловске зашла к Зинченко, дома была одна Оля; она больна (бранхит); посидев немного там, отправилась к хозяевам дома от кот. мне нужен был план. Там встретила меня девочка, сообщив мне, что плана нет; это значит, что придется сни-

1. Вероятнее всего, речь идет о Грохольском Владимире Петровиче (1884–1952) — русский и советский оперный певец (лирический баритон), артист оперетты и музыкальный педагог. — Прим. ред.

мать с натуры, а при моих способностях к рисованию (хотя академия художеств и причислила меня к тем, кот. она не советует зарывать талант и посещать академию) это великий труд. Потом пошла на станцию звонить Натке в надежде поехать сегодня в театр; придя на станцию, вижу стоит какой-то служащий попросила у него позволения переговорить по телефону; но и здесь результаты были те же. В то время когда я звонила, входит какой-то мужчина и говорит: Что барышня не дозвониться, надо сначала деньги заплатить, тогда ответят”. Я повесила трубку, думая еще позвонить с почты, и хотела платить деньги, не разобрав, что он мне говорил, но он говорит, что это на станцию нужно сначала сходить заплатить. Я что-то ему ответила вроде того, что далеко очень и “потряслась”, как говорит Зойка. (меня это очень смешит) Потом зашла к Музыковой, взяла там стул, да еще перед этим она посоветовала сходить спросить план у старых хозяев этого дома, но и там не оказалось этого, что мне нужно. Пос. как нарисовала план, зашла к Оле и поплелась домой. Перед обедом еще раз позвонила, барышня мне ответила, что у 173 звонок не звонит. Остальное время читала Разбойники Шиллера. [вот, бывало, (как грустно звучит) Чернобаев заставлял нас читать из новой литературы, а я и сама прочла уже 2-ую его вещь], таскала воду на огород около ледника, после ужина, когда папа уже уехал, мы с мамой пошли поливать морковь у Каск, там покачалась на качелях.

Сегодня чудный вечер, тепло, только очень много комаров, всю меня искусаи. В этом году весна такая ранняя, уже зелень большая, густая, скоро сирень распустится, а к нашему балу, пожалуй, уже отцветет.

Вот я уже свободная гражданка: окончила гимназию. Господи, как время летит. Зимой, когда много приходилось учиться, я только и думала: скоро наконец это все кончится (До сих пор сидела у открытого окна в спальнй. но стало темно, и ушла в столовую, пишу при лампаде;) вспоминается как писала реферат), теперь же, когда пришло время кончать, грустно и жалко раставаться, (у меня уже набегают слезы). Хочу, если удастся, описать всю прошлую неделю. В понедельник ходила к зубному врачу с Зинкой Мигаль, так что пришла ко 2-ому уроку, Надя Овечкина читала реферат, потом была психология, я думала, что он меня спросит, села с Веркой, т.к. та ее выучила на зубок, мы с ней уговорились так: если он меня спросит, то я сажусь к ней спиной и так. обр. она будет меня начинать, если же ее спросит, то я то же должна закрыть ее: она будет подглядывать в книжку. Но он вызвал Грузову, Вундербара, Верке предложил один только вопрос, он, наверное, совсем ее не хотел

спрашивать да она сама сказала: А меня разве вы больше не будете спрашивать, я все знаю, все, все. Тогда он — ну скажикате ка..... Не помню какой вопрос. Потом нас отпустили, т.к. было заседание об огородных работах. Мы пошли в сад, говорить о бале, я списывала записки по истории искусств, посидели около качель, Ритка и Таня Курцер катались на качелях. Мы решали в какой день устроить бал. Ну, конечно, без споров не обошлось, Таня сказала, что самый удобный для нас день понедельник, а др. дни она даже не может, (потом в конце недели оказалось что она собиралась пригласить на бал одного артиста, а у них свободные дни понедельники), но по большинству го[ло]сов решили в воскресенье, а т.к. это будет Троица, то отложили на Духов День.

Во вторник нужно было ко 2-ому уроку на социологию, писали дальше (диктовал); немецкий — вызывала меня я довольно хорошо перевела, Берта Карл. мне сказала, что вот Ант. перевела, хотя и с трудом. В начале урока мы устроили штучку с Нюрой Арсеньевой; Берта К. сказала, что не аттестует ее. Нюра спряталась и должна была войти в класс позже. За уроком, как раз тогда, когда Б. К. спросит о ней: “А Арс. сегодня опять нет”, а мы ответим, что: Вы ее не аттестуете, ей значит не к чему сидеть за уроком. Но по моему из этого ничего не вышло. На обратном пути из гимназии, я с Зиной Мигаль заходила к Марье Петровне, чтобы она показала, как делаются шляпы, кроме того мне нужно было снести кружева для кофточки, но ей было некогда. Потом Зина пришла ко мне учить русский, т.к. те, кто не рецензировали должны были ответить по иностр. литературе и “Рудине”. Ну, конечно, выучили мы немного, я рассказала ей 3 действия Дон Карлоса, а как рассказывала, то это один ужас. Да еще раньше мы ходили в военный комиссариат ждать заявление на счет службы, заведующий там очень симпатичный. Но вышло не удобно то что я написала «Мариньскую» гимн. окончила. Ужасно неприятно. Потом, когда Зина ушла, ходила на огород сажать картошку, там пока папа копал возилась с детьми Каск, раскачивала их, играла в пословицы.

В среду 29 апр. / 12 мая я пошла к 4-ому уроку, т.к. утром повторяла русский, по дороге в гимн. зашла к Клавдии. на счет духового оркестра. По социологии Николай Ипполитович меня спросил, а я даже не знаю что задано, но это я прочла по книги, но ничего не могла рассказать, пришлось сказать, что я урока не учила; тогда с усмешкой, он сказал чтобы я рассказала ему, что знаю, я и давай “обмен”, что еще знала с прошлого года, вообще кое как проехала. По русски он меня не спросил, напрасно столько учила. Жорж ничего не знал и по обыкновению разнюнился. потом зашла на по-

что, возвращалась с Зойкой, но потом растались, т.к. вспомнила, что не зашла к Доницам, потом оказалось и не нужно было заходить. На Павловском Шоссе встретила Олю Синникову, рассказала ей все новости. Она, пригласила ее вечерком, я ждала Нату, кот. сказала по телефону, что приедет. Действительно Натка приехала часа в 4, сначала было довольно скучно повозились, порасказали др. другу кое-что. В 7 час пришла Оля Син. вот тут то и началась потеха, во-первых сели играть карты, при этом так хохотали, что со мной случилось “несчастье”, я выиграла руб. 10 с лишком. Оля ушла от меня в 12-ом час, Натка же осталась ночевать. Мы сидели часов до 4-х; она рассказывала эпизод из своей жизни, происшедший на днях с одним артистов. Я бы на ее месте совсем по др. поступила и не допустила до этого; хотя Натка и говорит, что нельзя было ничего сделать. Потом принялись целоваться, и так целовались страстно, по-моему по-настоящему. Вообще было очень и очень интересно. В четверг 30 апр. / 13 мая Натка встала раньше меня, я решила не идти на уроки, только на последний, потом же должен был быть совет на счет нашего класса, а вечером в Мариинский театр на пиковую даму (но, оказалось Фенелла)..... Оставляю много точек, т.к. завтра во что бы то ни стало окончу, а сейчас спать.

Среда 2 июня 20 года

Окончу то, что хотела во что бы то ни стало написать 3 недели тому назад. Мне очень понравилась Боронская и Куклин, Фенелу играла Федорова II-баллерина. Сидели мы в ложе вторая от сцены, нас было человек 11 в ложе, но не было тесно. Было очень грустно я даже прослезилась, когда вспомнила, что мы в театре все вместе последний раз. В пятницу мы пришли в гимназию, поговорит на счет бала. Идя в гимназию со мной случилось “несчастье”, ужасно было неприятно. Пришла Нат. Ив. и предложила нам устроить акт, мы очень были довольны, но все как-то были грустны, Н. Ив. это заметила и начала допытываться, наконец, Нюра Арс. заплакала, Н. Ив. тоже прослезилась (по-моему только все это фальшивое) и ушла. Тут все некот. начали спрашивать почему Нюра плачет, я же и многие др. говорили: (странный вопрос, очень понятно отчего она плачет и я бы могла сейчас заплакать”, и сквозь улыбки вдруг показались слезы, наконец, зарыдала, форменным образом, Верка, потом Клавдя, Тося и вообще, почти весь класс, только Зинка Сем. смеялась над нами. На счет бала, конечно, мы ничего не решили и разошлись. В субботу 15 мая я не помню, что было, в воскресенье же 16-го я ходила во 2-ой

Павловск снимать план дома по просьбе папы, было очень жарко, и ужасное настроение, т.к. в этот день мы с папой должны были ехать в театр, но как я не звонила (даже рука устала) не могла дозвониться на вокзале 2-ого Павловска тоже не дозвонилась. Сейчас посмотрела немного назад и оказалось, что все это я уже описывала т.е. 16 мая.

.....

Теперь опишу настоящее время; пишу я на службе, да я служу, служба ужасно скучная, нечего делать, все время занимаюсь своим делом или читаю газету: вчера писала письмо Милице Лазаркевич, сегодня вот дневник, к кот. не приступалась уже 3 недели. Гордей Павлович, наверное, дуется что я что-то такое пишу и пишу свое; но, наплевать, пусть позлится. Сегодня идет дождь, Бог, видно, услышал молитву (в воскресенье был крестный ход на поля). Фу, какая скучища, того и гляди заснешь, все служащие какие то не приветливые, больше других мне нравиться[ся] Мария Георгиевна, Галанин и Сергей Васильевич.

Воскресенье 13 июня 20 года.

Сегодня была у обедни, но так плохо молилась, все думала о посторонних вещах, очень неприятно, когда такое настроение, совсем не хочется молиться. После обеда диктовала Шурке, поиграла на рояле и вот села писать. Собираюсь в Павловск в театр, играет Вивьен, но что идет не знаю. Сейчас зайду к Оле, там будет Клавдя, кот. я принесу туфли, не хочется ей давать их, да не удобно отказать; у меня бы совести не хватило просить туфли в Павловск (так далеко), и кроме того, ведь, у нее у сапоги есть хорошие; вот Оля, другое дело, у нее хоть туфли плохие, ей бы не жалко дать хотя бы и в Павловск. Вот уже неделя как у нас нашему “балу”, как все не хорошо вышло: и с этим оркестром и вообще, одно утешенье, что я с Васей познакомилась, какой он славный мальчик, с ним все-таки не было скучно, мы с ним так хорошо расстались: он подходит ко мне и говорит, что пора отправляться и пррр: “вы проводите меня...?” — “я говорю, удивленно: “Что?” думая, что Вася хочет чтобы я проводила его на вокзал; но потом оказалось, что он хочет, чтобы я проводила его вниз. Пока Вася прощался со всеми, мы с Олей спустились вниз по-черному ходу и стали там поджидать, скоро пришел и Вася; на прощанье он спросил мой адрес и обещал написать мне, предупредив, что встретимся мы через долгое время, т.к. он он едит ловить мины; ведь, это очень опасно, а он говорит так равнодушно и уверенно, как будто, наверное, знает что с ним ничего не случится. На балу была Люба, к несча-

стью, т.к. смотрела на нас, как-то с пренебрежением. В вторник мы снимались, очень досадно, что я снялась в $\frac{3}{4}$, как выйдет, после того, как мы снялись, играли в мнении, жаль, что про меня не говорили мнении, ужасно интересно, что бы про меня наговорили. Что-то сегодня не вяжется речь, не хочется писать, попою ка я лучше чаю да и отправлюсь к Оле.

20 июня или 3 июля Суббота.

Сижу в спальнной у окна, уже первый час (на три часа вперед) вечер теплый, притеплый, так хорошо, хорошо; только что с'ела просто-квашу, очень хочется пить.

Как странно, когда не пишу дневник, кажется, так много бы написал, а только сядешь и не знаешь о чем писать. После театра наверное много бы написала, под свежим впечатлением, но всегда хочется спать поэтому не удается.

Сегодня была за всенощной, было торжественное богослужение, с 5 священниками и 2-мя диаконами. Отец Афанасий сказал "слово", мне очень понравилось, вообще после проповеди хорошей я чувствую, что верю в загробную жизнь, а вообще не знаю, я стараюсь об этом не думать; нужно мне побольше почитать, чтобы установить свои убеждения, взгляды, также и по отношению к политике; вчерашняя тема разговора с Ольгой Алексеевной и Марией Георгиевн. мне очень понравилась. Нужно непременно развить себя. В Бога верить мне очень нравится, но если верить, то верить глубоко непоколебимо, а то иногда я молюсь усердно и мне тогда на душе бывает легко, иногда же молюсь и совсем о другом думаю и никак не можешь сосредоточиться, вот в такие минуты очень тяжело, но чтобы никогда я не верила в Бога совсем, это совсем недопустимо. Я верю и больше ничего, должна верить, я буду молиться об этом, а то уже стало тяжело на сердце.

Сегодня ко мне на службу приходила Нюра Арс. с Любой Грузовой, показали мне выпускные карточки, я вышла хорошо.

Гордей Павл. опять пришел, когда он был в отпуске было так хорошо, свободно себя чувствовал; хотя он человек добрый, но нервный, а потому тяжелый. Сегодня он был у Михайлова в комнате, поэтому мне удалось немного почитать, держа книгу в столе.

В понедельник 28 июня я думала поехать к Натке, даже предупредила ее о своем приезде по телефону, но после службы зашла к Оле, оказалось, что она дома, кот. сказала, что лучше ехать во вторник, когда все трое будут там, и остаться ночевать, а в среду вече-

ром в театр на “Бесприданницу”; я сначала колебалась, не зная как быть, очень не хотелось, даже вернее не удобно было спрашиваться со службы, но потом решилась. И вот во вторник я все ждала удобного момента подойти к Михайлову, но потом спросилась у Галанина; подхожу это я с опущенной головой смирененько, и говорю: “В.М. мне завтра очень очень нужно быть в Петрограде может Вы позволите не являться на службу?” В.М. как то нагнулся и говорит: Пожалуйста, сделайте одолжение”. Я от радости 2 раза поблагодарила его и отправилась в Павловск. На вокзале встретила Нюру Федину, намазанную, разукрашенную, потом встретила Ляльку Зинович и втроем ходили по вокзалу, потом Нюрка и Лялька уселись на перила в конце платформы. Вдруг в домики вокзальном (там, кажется, Чека) открывается окно и начинается за игрыванье, какой-то чиновник сел на окно и заиграл на гитаре, смех, громкий разговор, (ведь Нюрка своим видом кого не привлечет) мы не обращаем вниманья; Нюрка, наверное, с удовольствием познакомилась бы..... У Натке сначала поговорили, потом поужинали с Наткой вдвоем у Клавди и Оли в комнате: вареную картошку, молоко и кашу пшеничную. Когда ушли В.П. в Царское, Натка взяла у нее в комнате кисель, кот. мы почти весь и слопали, потом танцовали попели в зале, сидели на дворе на крылечке, пока не пришла В.П., потом я стала приготовл. ко сну, Натка же пошла к своей группе на прощанье поговорить, я там тоже посидела немного. Потом легли спать. Да, а самое интересное, и забыла: ведь, мы учил курили, я тоже взяла папиросу, но мне очень не понравилось, так горько, противно. Потом вдруг входит Валент. Петр., папироса в это время была у Клавди, она мечется не знает куда ее спрятать и машет руками, думает, что дым уйдет. В. Петр. спрашивает: “у Вас здесь был мужчина, почему то папиросами пахнет”. Натка же сейчас же; “что ты, что ты, вовсе не пахнет, тебе так, кажется,” да и дело с концом. Я бы хотела унаучиться курить, только научиться, но когда барышни курят мне не нравится. На следующий день в среду встали в 10 час, попили чаю, поели, я немного почитала, между всем этим, конечно, подурили с Наткой и пошли купаться. Ах как хорошо, как хорошо, потом поели, да и в театр....., куда мы немного опоздали, в антракт пришла Таня Курцер, а в следующ. антракт пошли с ней гулять вокруг театра. Очень хорошо играла Тиме и Вивьен. Вообще день мне этот очень очень понравился, особенно, когда шли купаться, местность так похожа на деревню, вспомнился прошлый год, так потянуло в деревню, и так стало грустно, ах как бы хотелось в деревню, хотя бы только недельку пожить там, но ~~только~~ видно это неисполнимая мечта, ведь, я служу.. Денег у меня остался 1 рубль, это бы ничего, если бы я не была должна и не рвалась в театр; ведь на деньги;

я смотрю не по папиному, поэтому горюю не потому что денег нет, а потому, что не могу поехать в театр и отдать за туфли Кларинь. Хотя мама мне и предлагает спросить у папы 10000 руб, но я если и спрошу, то только в долг.

Комната моя постепенно прогрессирует, так что можно надеяться на полное усовершенствование ее, осталось только перенести кровать и повесить образ, угольник снять. Пить хочу невероятно! Иду спать 40 мин. 2-ого.

Очень рада, что кое что написала.

15 / VIII – 20 года Воскресенье.

Сижу ем кратегус, поэтому не могу никак сосредоточиться. В прошлое воскресенье я думала, что последний день свободна и могу ехать в театр, было совсем другое настроение. После обедни когда я пришла домой, у меня уже были Лида и Роберт, кот. играл на рояле песенки из “Школьного пенья”, потом мы пошли кататься на лодке; когда мы выехали были ветер и потому чувствовались небольшие волны, вид был очень красивый (между прочим я была в белом платье: шелковая юбка в складку и шелковая кофточка). В 2 часа я пошла к Евг. Алекс., где у меня должен быть урок 1-ый раз с ее братом. Мы занимались 2½ часа, 1-ый урок прошел прелестно, сам он мне тоже очень понравился. В конце урока пришла Евг. Ал.

Алекс. Ал. спрашивает меня: “это вы проходили?” (что именно не помню) — “Кажется, нет”, отвечаю я, а Евг. Ал., проходя через комнату, говорит “вообще в этом году я не знаю, что они делали, кажется, ничего.” — “Ты, пожалуйста Зина, если что не поймешь, спрашивай,” и обращаясь к брату, говорит “она, ведь, очень церемонная девица”. Потом мы очень мило распрощались, она меня выпустила через парадную, спросили о Нате и обещала найти мне нужные книги. Шла я домой в таком восторге от уроке и от него, зашла к Оле, мы стоворились ехать в театр на “Эльзу”, я решила последний раз с’ездить в театр, на след. день засесть заниматься. Потом зашла к Натке; да еще перед этим когда я шла околом мимо экономки, слышу кто-то сзади кричит: “барышня, барышня!” я останавливаюсь, вижу бежит, сломя голову, какой-то молодой человек, и смущаясь говорит, что купил шапку (на головеу него новая шапка, а в руке старая рваная кепка) у товарища, кот. видно очень нуждается в деньгах, а он заплатить ему сейчас не может, шапка стоит 300 руб. “вот барышня, может вы одолжите мне немного денег”? — “Я вам 300 не могу дать и вообще много дать не могу” и вынимаю ему 90 руб. “Ну, вот хотя бы 90 руб”,

говорит он и благодарит. Сначала мне я была очень рада, что помогла бедному человеку, а потом пришла в голову мысль не мошенник ли он. Зашла к Натке не много поболтали у нее и пошли ко мне, она взяла веер, т. к. должна была во вторник держать экзамен на сотрудницу, попили чаю с пирогом с яблоками (конечно черным) потом я пошла в Павловск, и Ната домой. Там встретила с Клавинь, у кот. была ложа, Олю и Клавдю я встретила уже долгое время спустя, побывав в уборной. Сидели мы на 1-ой скамье амфитеатра. Очень хорошо играла Садовская и Феона; Вивьена я уже давно не видела, почему-то он не играл последнее время. С театра я шла пешком, пошел дождь, я спряталась в будки у 2-ого Павловска, там посидела у со сторожем. В понедельник 9/VIII на службе я рассказала о том болгарине, кот. я подала 90 руб., Гордей Павл. сказал что он бы на моем месте тоже дал, что теперь такое время, когда вполне возможно, что человек мог очутится в таком положении. Серг. Вас. сказал, что Вы напрасно ему так много дали, это просто аферист. Вот уже и характеристика 2-х совершенно противоположных людей. Горд. Павл. человек добрый в душе, умный вообще много у него было хороших черт: энергичный, прямой, но у него есть что-то такое отталкивающее, какой-то натянутый, с ним не поговоришь обо всем, что только в голову придет, как с Серг. Вас. Этот последний человек тоже очень добрый или вернее очень мягкий, большой эконом, вообще практический, но у него есть черта чисто чиновничья, а именно что-то Молчалинское, конечно, не в такой яркости, но все одна капелька, он преклоняется перед старшими и во всем с ними соглашается (хотя я кажется ошибаюсь), боится сказать слово притиворечья, делает все что приказано сейчас же. Но вообще он славный, ведь, у всех есть свои недостатки у него есть немного тряпчного. Да вот еще что мне нравится у Горд. Павл.: его простота, (в том смысле,) он подает руку всем [неразб.] всякому мужику, гордости у него, это мне нравится. Серг. же Вас считает себя барином и с Аннушкой говорит немного свысока; он любит похвастаться, что его женушка была очень богатая, что ничем не дорожила..

Ну довольно на сегодня, а то уже ничего не видно.

3 / IX н.ст. 21 сентября 1920 г. Пятница

Сегодня мы с мамой были у Шуры в больницы; Сашка очень слаб, лежит бледный, бледный и как то серьезно смотрит, рука подвязана кверху. Я так боюсь за него, так тяжело на сердце, хоть бы поправился наш дорогой Шуренок.

Сейчас лежу в постели, сильный гром и молния, какая-то особенная все небо освящается, я еще никогда такой не видала. Вчера было мое рождение, была на службе и, несмотря на то что знала что Шурки там может быть плохо, была очень веселая, даже сердце прыгало от радости (но зато сегодня ужас как тяжело на сердце), потом зашла к Оле Син. за кувшинами, т. к. было много карточек обеденных (рабочие не пришли за ними); Между прочим я была в белой кружевной юбке и белой с баской кофточки с сереневым кушаком, кружево от юбки очень красиво выглядит из под кушака; поэтому мой наряд обратил внимание Оли; я объяснила ей, что мне через 2 часа исполнится 18 лет и пригласила ее вечером.

28 авг. ст. ст. 10 / IX — 20 года. Пятница

Так тяжело на сердце, никак не могу помириться с мыслью, что Шурка покинул нас на веки, уже не с кем мне заниматься, когда-то я роптала, что Шуренок меня связал, а теперь, теперь...только был бы жив. Не хотелось моему дорогому учиться, да и вполне понятно, ведь он так мало видел хорошего на свете;: все болен, то нога, то рука и т.д. Неделю тому назад я отпросила на службе на 1. 12 час в Петроград. Мы еще ничего не знали как прошла операция у Шуры; мама была уже на вокзале, когда я пришла туда, она стояла в очереди за билетами. Приезжаем в больницу, говорят, что Шура очень слаб, вышла сестра Паленова и долго, долго с нами говорила.

Шура лежал бледный, глазенки расширились и потемнели как будто, но губы были еще розовые, все просил пить, но ему не давали, т. к. еще не прошла рвота; он искал воду на столике, шаря здоровой рукой, потом обмокнет пальчик и сосет. Мы у него посидели до 4½ час. Он спал при нас, я сидела и отгоняла мух с его личика. Прощаясь мы сказали, что приедем в воскресенье, что приедет так же и папа, а он спросил “а бабушка?...” Я думала, что не заговаривается ли он, спрашивая о нашей бабушки, но оказалось, что он спрашивал о сиделки, будет ли она в воскресенье. Мы уехали, взяв с собою все, что мы привезли Шурочки, т. к. ему есть было нельзя, 2 кусочка хлеба, кот. я не с’ела на службе, отдала Лене и Катеньки.

В субботу я думала поехать Шуре, но потом решила лучше сходиться в церковь помолиться за него; а в.....

Сейчас опять села писать, просияло солнышко, сидит в комнате у нас Хомский с Гордеем Павл. Делать нечего. ¼ часа тому назад бросила писать, т. е. кто-то шел; оказалось, что это Хомский

в воскресенье мы с мамой поехали на 11.12, сердце было не спокойно за Шуру, но я надеялась, что ему лучше, думала, что он уже кушает. В вагоне не читала я Достоевского “Зап. из Мертвого Дома”, кот. хотела дочитать до от’езда Каск т. к. они скоро должны были уехать в Эстляндию. Я была в белом платье, кот. мне шили для выпускного была и в белой большой шляпе. Идя по Фонтанке, мама зашла во двор, я осталась ждать ее на углу Измайловского. Тут проходило шествие, т. к. был праздник Молодожи, шли с пеньем, плакатами. Подходя к больнице я говорю маме: у меня что-то сердце замирает, мама говорит что у нее тоже. Швейцар сказал, что Шуре все также не лучше а на самом деле было даже хуже. Мы посидели на коридоре и в 1 час (на 2 часа вперед) нас впустили к Шурочке; он был уже почти без сознания, но нас он узнал, но говорил, что-то не понятное. Мама сказала ему, что останется с ним ночевать, он ка был доволен, ах, нет сначала он спросил: “прощаться”. мамочка говорит: “нет, нет мой милый, я сегодня останусь с тобой ночевать” — “А Зина?” — А Зина уедит, а завтра опять приедит. Я наклонилась к нему и говорю: “Поцелуй меня, Сашенька”, он меня поцеловал. Потом говорит: “Клад-бище”. Вначале же когда мы только вышли к нему, около него собрались много больных и 2 доктора, он кричал: “уходите”, как то совсем не своим голосом. Скоро его перевели в отдельную палату; я уже видела, что дело плохо и говорю маме: “Мамочка нет он умрет, смотри, ведь у него губы как у покойника”, но мама все еще надеялась. В отд. палате Шурочка говорил: ~~что~~ “мамочка ты так ляг (показывал, чтобы она легла головой в противоположную сторону), а я так”. На что мулька отвечала, что у нее есть и отдельная кровать, но если он хочет, то ляжет с ним. Я все время, думая вернуть ему силы давала молочка, раз я ему видно так надоела, что он закричал: “отстаньте”. Потом он стал закрывать глазенки мы думали, что он хочет спать; ах, да, он все ждал папу, раз кто-то шел по коридору, Шуренок прислушался, открыл глазенки и говорит: “Кто-то идет”, и когда вошел доктор, он улыбнулся не своей улыбкой и говорит: “ах это Вы?” Когда приехал папа он, кажется, лежал уже с закрытыми глазами, папа наклонился к нему, он рученкой крепко погладил его и сказал: “папочка”. Потом он лежал с полу-закрытыми глазками и все время ворочал головкой то на один, то на другой бок, а ручкой здоровой все закидывал назад, иногда дергал и правой ручкой, я уже решила придерживать больную ручку, боясь, что опять пойдет кровь, но крови у него совсем, кажется, не было, так что боялась я напрасно. Я вливала ему молочка, он проглатывал, я очень обрадовалась и пошла к сестре спросить можно ему вливать побольше, сестра позволила; потом уже он сам отвернулся. Ну Вскоре поставила ему термометр,

но он ничего не показал. Потом он стал закатывать глазки, я спросила сестру: “ой; кажется, умирает?”, е “Да”. Я не ожидала такого ответа, стала молиться. И через секунду Шурочки не стало. Я побежала к бабушке и упала к ней на шею. Я так рыдала, так рыдала, потом пришла в палату и кричала: “Вот, нет и Шурки, ведь, его зарезали”.

Потом мы посидели и понесли его в покойницу. В понедельник Дальше я опишу может быть потом, сейчас уже без четверти 4 часа, (час смерти Шурочки) надо отправляться. Я с Марусей хочу сейчас пойти пообедать, а потом пойду на Казанское.

Воскресенье 28 / XI — 20 г. (15 по ст. стилю)

Боже, уже прошла целая вечность, можно сказать, с той поры, как я писала, а все некогда, а иногда нет настроения. Сейчас уже 4-ый час, надо бы уже одеваться на вечеринку в гимназию (в нашу старую), да вот под впечатлением вчерашней вечеринки у Маруси Петровой хочется кое-что написать. Сначала День начался по обыкновению: была на службе, после чего было собрание (всегда бывает не во время) в Совнархозе. Потом пришла домой пообедала и отправилась на вечерние занятия с Марусей Трофимовой, кот. ко мне зашла. Конечно по дороге говорили о Жене, я рассказывала ей, как я с ним объяснялась. В гимназии у нас было 2 часа чертения первый раз, (мне очень понравилось), затем по случаю заседания педагогов уроков больше не было чему я очень обрадовалась, потому что терпеть не могу пропускать уроки, а я должна была ве уйти, т.к. нужно было на вечеринку, возвращались с Женькой Трофим. и Лидой (кот. тоже шла на вечеринку). Ну, я, кажется, ушла в подробности, а главное то не напишу. Мальчишки пришли только в 11 час если не позже, да то только двое: Миша Малиновский и Коля (не знаю как фамилия), потом пришел доктор. Сначала было довольно скучно, но после чая стали играть, нэ-тому стало не много танцовали. Я с Мишей танцевала вальс, а т.к. гостинная не особенно большая, то было довольно тесно и кто-то в'ехал мне прямо в зубы. Нэ Я Мише, наверное, понравилась: он все время вызывал меня когда нужно было целоваться. Но, как противно было, я ему подставляю щеку, а он ищет губ. Коле вышло “быть священником”, он вызвал меня, я захожу, комната совершенно темная, ничего не вижу, сначала я думала, что он будет спрашивать что-нибудь, но ни тут то было, он берет меня и целует в самые губы, то так, что я даже думала не знаю что так целуются, прямо всосал мои губы и высунул язык, ужасно противно, потом в щеки в шею, вообще со всех ет пошло ужасно! я говорю ему, ну довольно, ну и дъя поп-дьяк (как

говорил Миша), а он все не перестает; это еще со мной, а воображаю, что он выделывал с Шурой Скороспеловой, та у него сидела с пол-часа. Мишка когда то был гораздо интереснее, теперь ужасно испортился. Сейчас надо собираться в гимназию, нужно еще завиться, работы много, только было бы весело, я что-то сомневаюсь.

Было очень весело, т.к. был Васька Торпокков.

Понедельник 20 / XII – 20 г. 11 час 35 мин. веч.

Только, что вернулась из гимназии, меня провожали [неразб.] и Вова Смирнов, это бы все ничего, да беда в том, что я при прощании с ними, поблагодарила их за проводы, дура, сущая дура, да еще два раза попрощалась с ними за руку; ведь, это только и может сделать такая дура, как я. Воображаю, что эти 2 молодца подумали: встретилась, скажут, в нас. Хотя они, пожалуй, тоже “того” немного. Что это, значит эти подглядывания в VIII-ую группу и вбегание в класс. Нужно будет с ними по серьезнее, держать себя в гимназии; вести себя, как бы не замечая их. А теперь немного почитаю.

25 / I – 21 г. Вторник. без 5-ти мин. 11 час

Не знаю, что со мной случилось; кажется, втюрилась! Если бы он за мной ухаживал теперь, то, конечно, я об этом и не думала, но, ведь, он теперь очень холоден со мной, только поздоровается и кончено; а я между тем все больше и больше думаю о нем. Сегодня на уроке физики, как-то невольно нет нет да и взгляну на него; и сейчас сердце так ноет, ноет. Боже, что бы мне такое сделать, чтобы он, наконец, обратил на меня внимание и по-прежнему вертелся в VIII группе, но это, кажется, безнадежно; ведь, он во мне разочаровался; что послужило к этому поводом, право не знаю. Сегодняшний разговор с Шурой Персил еще более усилил мое чувство к нему; ведь, он не легкомысленный мальчишка, как я и думала, а очень серьезный, добрый мальчик и, кроме того, как он чтит память своего отца; конечно, я все не считаю его идеальным во всех отношениях, у каждого человека свои слабые стороны; но эти качества по-моему перевесят всякие недостатки... А сердце-то, сердце мое бедное так болит. Ведь, любовь (хотя, конечно, я только нравилась ему, не больше) не возвращается.

Пятница 28 / I – 21 г. 11 час. вечера.

Да, это — любовь, я сегодня убедилась в этом. (Но сегодня что-то у меня не льется речь, как поза-вчера) Хотя не знаю, я не могу разобраться в своем чувстве, тут 2 дня я страдала, вчера же уже чувствовала себя спокойнее, хотя и не видела его, может быть потому что была Оля и не пришлось так много думать, уйти в себя. Но почему, сегодня за завтраком, когда они вертелись (в том числе и он) около Клавди, мне было все-равно? Мне, кажется, что я даже не ревновала, только когда они пошли вс с Клавдий на драматический кружок, не дожидая меня, вот тут-то во мне что-то заговорило, я шла почти молча с Мусей Сушинской; я уже решила, что не подойду к нему больше ни за что. Но когда Клавдия, мне сказала, что они собираются ехать на лыжах и хотят пригласить меня (может быть, это Клавдия им сказала? надо ее спросить), то тут я уже не много воспрянула духом, на душе стало как-то легче, но все же сердце билось и как-то тяжело вздыхалось. Странно то, что были такие моменты, когда наши глаза встречались и оба сейчас же их опускали... Завтра пойду в Собор, помолюсь может быть Господь мне поможет. Завтра увижу его!!! Я ему нравилась, это, — конечно, но почему же, когда я его не замечала, он тоже ко мне не подходил? Заговорила гордость? Ну ладно, “гордость — не порок”, я не люблю людей безхарактерных, поэтому я за это его не осуждаю, а, наоборот. О! если бы он знал что придя домой я посвящаю ему целые страницы, он, ведь, наверное не догадывается.

22 / II – 21 г. Вторник. 9¼ час. вечера

Сегодня у меня хорошее настроение: разговаривала во-первых с долго, долго, хотя так из пустого в порожнее переливали, не так бы мне хотелось с ним поговорить. ~~Хотя мне что-то~~ Ну что это? Пришла в голову мысль не передала ли что-нибудь Клавдия обо мне? Он что-то стал относиться ко мне не так, как в ~~прежнее~~ последнее время или это потому, что не было Клавди. Была сегодня в Амбулатории, кокетничала; [неразб.]! Не то сказала, кокетничал со мной Виктор, было ничего себе весело, но он мне не понравился: слишком вульгарен. Нужно попросить тетю сегодня погадать.

Я не разу еще не назвала его по имени здесь в дневнике; это хорошо: все таки надо остерегаться. Последнее время я мало о нем думала и даже ~~не могла~~ разобраться как-то закралась мысль: да не была ли то прямо зависть, что он стал ухаживать за Клавдией, а не любовью. Или я уже привыкла к чувству ревности, ~~так, что~~ сжилась с ним, так

что, потеряв надежду на лучшее, мне уже было все равно. Но если это была зависть, то я не знаю, что я готова с собой сделать, ведь, это одна из самых паршивых черт характера.

II / IV – 21 г. Понедельник

Сейчас только пришла из гимназии, было 3 часа черчения; подурили с Клавкой не много. Бориса давно не видела. Вообще, что касается его, уже все кончено, хотя с моей стороны этого нельзя сказать.

Письмо Милице Лазаркевич

Милая Милица, ведь, это же безобразие, столько времени о тебе ни слуху, ни духу; хотя и с моей стороны тоже самое, но, ведь, я долгое время, после твоего письма перед 7 февралем, ждала тебя, потом 2 недели была больна (у меня была желтуха), а кроме того, сама судьба, кажется, против того, чтобы я поехала к тебе: в это воскресенье совсем было собралась, достала пропуск, и утром опоздала на поезд; хотела ехать на 4-27, вдруг себя плохо почувствовала, поднялась сильная рвота. Вообще последнее время здоровье мое как-то пошатнулось. Постараюсь быть у тебя в следующие воскресенье 17/IV; ты Я даже не могу себе представить, что с тобой такое случилось: ни письма...

Написала письмо, уже 12 час. ночи, спать не хочется, хотелось бы что-нибудь написать, ведь, давно не бралась за него.

Теперь стоит такая хорошая погода, и отсюда хорошее настроение, пятая неделя поста, скоро Пасха. Вчера поехала было к Милице, да передумала. пошла к Клавде и, не застав ее дома, поплелась в парке, уселась на скамейку и читала. Ах, какое это удовольствие: я всегда теперь буду так делать. Вообще летом у меня план обширный, можно составить большую компанию, устраивать пикнику, ездить на лодке, ходить в театр, уходить куда-нибудь в укромный уголок подальше от людских глаз и читать, читать. Я бы хотела поближе познакомиться с Ив. Павлов., ведь, я же ему нравлюсь, так можно пококетничать с ним. А хорошо бы видеть по чаще Бориса.

На службе у нас теперь благодать, работы не так много, Маргарита Петровна довольно славная, правда хитрая и хвастунишка порядочная, но это еще не так плохо, надо же иметь какие-нибудь отрицательные качества, а это еще не такие плохие. Мария Геогиевна очень очень славная. Лидия Сергеевна не много меня портит (хотя

они все в этом грешны, но она в особенности,) тем, что нахваливает меня на каждом шагу и любят меня мной в слух. Ведь, было время, когда я не думала совершенно о красоте, не вертелась столько времени у зеркала, как теперь. Ну, пора спать!

20 / IV — 21.

Сегодня такой счастливый для меня день: поговорила с Борей, а главное увидела его после такой долгой разлуки (он не ходил целую вечность). Прихожу в гимназию... вдруг вижу его, это была такая неожиданность! Сердце опять зануло, щеки разгорелись; мне кажется, я никогда не разлюблю его. На физике я все время хохотала с Клавкой, она мне щупала пульс, вообще дурили основательно. Когда же кончился урок и спустились вниз, девочки стали примерять мой шелковый платок; тут же вертелся Борис, который стал толкать на нас Колю Беляева и так завязалась возня, Клавдия меня чуть не толкнула на Борю, но я убежала в раздевальню, тогда она подговорила Нюру Глинка привести Борю ко мне навстречу, я догадалась хотела вырваться, но не пришлось. Клавка противная! она хочет всеми способами намекнуть Боре “кой о чем”, я бы этого не хотела. Но что меня поразило? — это сегодняшняя поступок Бори: он во время ужина говорил, что очень голоден, не ел 15-ть часов и пошел просить прибавки, я же свою кашу не доела, и предлагала Клавде, но та отказалась, Боря это слышал и попросил эту кашу, я, конечно, была рада дать ему. И что же? смотрю он подходит к Наташе и говорит: “Наташа, вот вам суп и каша”. Оказалось все его хлопоты были о бедной женщине. Такого мальчика я первый раз встречаю, я хотя и слышала о его доброте от Шуры Персияниновой, но думала, что она говорила мне это, чтобы влюбить меня в него. Милый, славный, добрый Борис! Хотя я и кокетничаю с Ив. Павл. и др. но это мне не мешает на долгое время (боюсь сказать “навсегда”) остаться верной моей первой любви.

В понедельник после гимназии я провела время так весело, как не проводила уже давно. В гимназии нечего не было, поэтому было еще рано и мы пошли с обеими Клавинь и Клавдей гулять. Идем по тротуару, догоняет нас Иван Павлович, и вот с ним направились в парк, шел маленький дождь, вообще была пасмурная погода, но это мне не помешало быть в хорошем настроении. Я так кокетничала с Ив. Павл., что ужас, говорила свое “Конечно” Крылова, вөөб всех смешила, вообще была в ударе.

Когда подошли к Гроту и остановились, чтобы прощаться, я стала предлагать прутьки, которые я сорвала, но никто не брал, тогда я сказала: “Так, значит, никто не хочет получить от меня пруттик?” и бросила их в пруд.

Ив. же Павл. понял, что я, говоря это, рассчитывала, что он сейчас “с распростертыми объятиями” набросится на мой пруттик (между тем я взболтула это без всякой хитрости, не имея ничего в виду), сказал: “Ну и молодежь нынешняя, мы у нее должны учиться”. Мы все таки не распрощались, а пошли дальше по Садовой, Клавинь меня не много проводили, а потом мы остались одни. Ив. Павлович, проходя мимо своего дома, показывает мне: “А вот здесь я живу наверху” — “Ах, так мы значит, распрощаемся?” — “Нет, зачем? я вас провожу”. По дороге он мне сказал, что очень рад, что со мной встретился, на что я ответила высокомерным тоном: “Польщена”. — “Нет, правда, очень очень рад”. — “Очень приятно”. — “Ах, очень приятно?” — “Не знаю, может быть и нет, вообще все равно”, поспешила поправиться. Этим вечером я была страшно довольна.

Декламационный вечер.

Ив. Павл., судя по характеристике егонри, которую я читала, — человек симпатичный, с ним можно кокетничать, весело провести время, но все таки я никогда не сравню его с Борей; конечно, этот еще мальчик, а тот совершенно взрослый.

Завтра в гимназию не иду, хотя и тянет: может быть будет Боря; надо мыть голову.

16 / VI — 21г. Четверг

Проба пера и чернила

Писала письмо Мане Громовой

25 / VI — 21г. Суббота

Дежурю на огороде. Чувствую себя очень хорошо; после того как сходила домой, поправилась. Вчера время провела довольно весело, только испортили платье и туфли. Роберт вел себя немножко свободно, да его еще Ева подзадаривала, но от этого может быть было веселее, эка важность! поцеловал, я сначала злилась, а потом решила что все глупости. Валялись мы ужасно! Лидка же злилась, она всегда такая недотрога а вчера и вовсе: была причина; когда г-н Баумен

взял ее покатился с ней с горы, Ваня говорит: “Что это с Лидой случилось, не ожидал этого от “самого благоразумия”, если бы это Зина, то не удивительно, уж что говорить, “ветер в голове”, а то Лида”. Я теперь так свободно веду себя в обществе, хохочу, выкидываю всякие шалости, что правда могут принять за слишком легкомысленную, но, ведь, на самом деле я бы не назвала себя легкомысленной.

Последнее время я часто бываю в Павловск. театре, в то воскресенье в Троицу 19/VI — 21г. тоже была на “Темном пятне”. В вагоне нас с Натой арестовали: заподозрили Нату в том, что она знакома с барышней, которую, видно, ищут, а меня за компанию, и кроме того у нас не было билетов.

Какое чудное небо! голубое, голубое! и вообще здесь очень живописное место. Борю я видела перед Пасхой, моя сердечная рана стала было уже заживать, как тут недавно гуляя в парке, стали меня изводить им, и кроме того Клавдя меня рассказала, что как то она шла с Жорж Смирновым и спросила о Боре: “Кажется, за ним ухаживает много барышень”. — “Нет, он скучает и вспоминает зиму”. Что это значит не знаю, Клавка говорит, что это намек на меня, что он слишком горд чтобы подойти ко мне и вернуть прежния отношения после того, как я с ним обращалась. Ну, буду читать